

№ 24.

22 ЮНЯ.

1910.

ВЫХОДЯТЪ
ЧЕТЫРЕ РАЗА
ВЪ МѢСЯЦЪ.

ИЗВѢСТІА

РЕДАКЦІЯ
КАЗАНЬ
Духов. Академія.

ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ

Издание Казанской Духовной Академіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ приложеніемъ журнала „Православный Собесѣдникъ“ епархіальнымъ подписчикамъ 8 р. Безъ прилож. 5 р.

МИССИОНЕРСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КАЗАНИ

13—26 іюня 1910 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ на всеподданнѣйшей телеграммѣ, посланной Миссіонерскимъ Съѣздомъ 13-го іюня, благоугодно было 14-го іюня собственноручно начертать: „Искренно благодарю за выраженныя чувства“.

Всеподданнѣйшая телеграмма была составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Петергофъ. Походная канцелярія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Сегодня, въ Богоспасаемомъ градѣ Казани, по благословенію Святѣйшаго Синода, при участіи многочисленнаго освященнаго собора архипастырей и пастырей, представителей мѣстныхъ военныхъ и гражданскихъ властей, ученаго и учебнаго вѣдомствъ, об-

щества и народа, состоялось торжество открытія Миссіонерскаго Съѣзда.

Подвизающіеся въ 22 епархіяхъ на миссіонерскомъ служеніи Церкви и Родинѣ дѣятели христіанскаго просвѣщенія среди иновѣрнаго инородчества, предъ началомъ обсужденія вопросовъ о наилучшей постановкѣ православнаго миссіонерства, какъ святого дѣла христіанскаго мира и всепобѣждающей любви, вознесли ко Господу у раки Святителя Гурія, Перво-миссіонера приволжскаго края, усердное моленіе о драгоцѣнномъ здравіи ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Вѣнценоснаго благочестивѣйшаго Покровителя и Защитника Православной нашей Церкви и о всей Августѣйшей семьѣ Вашей, и всеподданнѣйше повергаютъ къ стопамъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА чувства своей вѣрнопреданности и беззавѣтной любви.

Предсѣдатель Миссіонерскаго Съѣзда

Архіепископъ Никаноръ.

17—21-е іюня.

17-го іюня имѣли свои засѣданія секціи: мусульманская, по церковно-административнымъ вопросамъ, церковно-миссіонерскій отдѣлъ, ламаискій и туркестанскій. 18-го іюня продолжали свою работу секціи церковно-административная, туркестанская, школьно-переводческая, ламаиская, мусульманская и церковно-миссіонерская. Къ 19-му числу выполнили программу Съѣзда секціи: мусульманской прессы, церковно-миссіонерская, школьно-переводческая и отдѣлъ—язычество и борьба съ нимъ.

Церковныя богослуженія 19-го были посвящены памяти Н. И. Ильминскаго. Въ этотъ день въ храмахъ духовной Академіи и Крещено-татарской школы, съ которыми тѣсно связано имя приснопамятнаго Николая Ивановича, была совершена архіерей-

скимъ служеніемъ заупокойная литургія по рабѣ Божиѣмъ Николаѣ и другихъ потрудившихся на миссіонерскомъ поприщѣ и отошедшихъ ко Господу. По окончаніи литургіи соединенный крестный ходъ изъ обоихъ храмовъ, возглавляемый Преосвященнымъ Пермскимъ Палладіемъ, направился на Арское кладбище. Здѣсь, у могилы Николая Ивановича, находящейся у самой церкви, Владыка Никаноръ отслужилъ соборне съ членами Сѣзда панихиду. Экте- нии произносились и пѣснопѣнія исполнялись на разныхъ инородческихъ языкахъ. Впечатлѣніе, производимое этимъ разноязычнымъ пѣніемъ, заставляло всѣхъ присутствующихъ почувствовать великость дѣла, совершеннаго Н. И.—чемъ. Передъ произнесеніемъ «вѣчной памяти», на отпустѣ, Владыка произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Слышишь ли, приснопамятный, вѣрный рабъ Божій Николай, моленіе о тебѣ священнаго сонма іерарховъ, множества миссіонеровъ-пастырей и всякаго рода твоихъ усердныхъ почитателей?!

Мы вѣруемъ и надѣемся, что святая душа твоя не только все это слышитъ, но и славить съ нами Господа, радуясь, ибо непреложно Слово Господне: рабе благій и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего. Такимъ образомъ, мы уповаемъ, что душа твоя радостно взираетъ на множество учениковъ твоихъ, отовсюду стекшихся сюда и разными языками хвалящихъ Господа и усердно молящихся о вѣчномъ спасеніи твоёмъ.

И мы, вспоминая славные труды твои на общее спасеніе разныхъ племенъ и народовъ, исповѣдуемся надъ священной твоею могилою, что недостаточно и мало внимали премудрымъ твоимъ указаніямъ и завѣтамъ, но за то теперь, когда насъ обыдоша пси мнози, мы не только сердечно-благодарно воспоминаемъ ихъ, но воодушевленно клянемся быть вѣрными имъ даже до смерти.

Да возрадуется же душа твоя о томъ, что сѣмена вѣры и благочестія инородческаго, посѣянные и взлелѣянные тобою, возрасли такъ высоко и широко, что они несомнѣнно принесутъ свой добрый плодъ. А увѣряемые

въ томъ, что въ маломъ бывшій вѣренъ, будетъ поставленъ надъ многимъ, мы убѣждены, что и къ твоей священной могилѣ не зарастетъ великая народная инородческая тропа, а равно и не перестанутъ орошать твою могилу теплые слезы твоихъ истинныхъ почитателей и продолжателей святаго дѣла твоего.

Воскресый изъ мертвыхъ, живыми и мертвыми обладая, Христось истинный Богъ нашъ, молитвами Пречистыя Матери Своея и всѣхъ святыхъ, душу преставшагося раба Своего Николая въ селенія святыхъ вселить и насъ помилуетъ, яко благъ и челоуѣколюбець!“

При пѣннй вѣчной памяти, Владыка земно поклонился могилѣ. За нимъ тоже сдѣлали и многіе молящіеся. Ближе всѣхъ стояли къ могилѣ Екатерина Степановна, супруга покойнаго, и Н. П. Остроумовъ, его ближайшій ученикъ и преемникъ по кафедрѣ. Вѣчную память также пѣли на разныхъ языкахъ. Мысль слушающихъ переносилась къ тому будущему моменту въ Церкви, когда всѣ языцы прославятъ Бога и вознесутъ Ему хвалу каждый на своемъ языкѣ. Съ кладбища направились всѣ къ Крещено-татарской школѣ. Здѣсь, во дворѣ школы, былъ предложенъ чай утомившимся отъ продолжительнаго молитвеннаго подвига. За столами, на простыхъ скамейкахъ, расположились дѣятели миссиі—и сановные и рядовые, ученые и простецы. Разговоры вращались на темахъ о великомъ просвѣтительномъ дѣлѣ; въ разныхъ мѣстахъ составились группы по національностямъ: въ одной говорили по мордовски, въ другой по чувашски, въ третьей по татарски и т. д.

Въ 1 часъ дня открылось общее собраніе тутъ же во дворѣ. Ораторы и докладчики говорили съ крыльца школы, а святители и почетныя лица Сѣзда сидѣли за столомъ. Собраніе было многочисленное: не всѣ нашли себѣ мѣсто, и очень многіе стояли. Тѣснымъ кольцомъ окружали членовъ Сѣзда крещенные инородцы, въ большемъ числѣ прибывшіе въ Казань по случаю памяти Святителя Гурія, и просто любопытные.

Еще въ первый день открытія Сѣзда говорилось, что мы, миссіонеры, ничего не таимъ, никого ни боимся; открытое, на воздухѣ, засѣданіе всего лучше подтверждало эти слова и оправдывало миссіонеровъ отъ обвиненій въ какихъ-то тайныхъ замы-

слахъ противъ нерусскихъ народностей. Первое слово было предоставлено Николаю Петровичу Остроумову. Онъ, по скромности, хотѣлъ было говорить съ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, но его упростили взойти на импровизированную кафедру.

«Уступая сердечному настроенію и усиленной просьбѣ нѣкоторыхъ присутствующихъ здѣсь лицъ, началъ Н. П., я рѣшился взойти на эту кафедру. По своему характеру, я не привыкъ къ подобнымъ торжественнымъ выступленіямъ, и думаю, что въ переживаемыя священныя минуты грѣшно выдумывать, сочинять искусственную рѣчь, а должно говорить то, что подсказываетъ сердце. Рѣшившись говорить, я долго колебался, о чемъ именно слѣдуетъ мнѣ сказать. Говорить о значеніи покойнаго Ильминскаго для инородческаго міра было бы съ моей стороны дерзостью, потому что дѣятельность эта хорошо извѣстна всѣмъ и къ сдѣланной уже оцѣнкѣ ея я не могу ничего прибавить. Настоящая необыкновенная поучительная минута должна тронуть всѣхъ истинно-русскихъ людей, и Высокопреосвященный Никаноръ, своимъ примѣромъ заставившій прослезиться весьма многихъ, заслуживаетъ самаго низкаго поклона за то, что милостиво принялъ предложеніе внести настоящее торжество въ церемоніаль Съѣзда, и показалъ, чего заслужилъ покойный Н. И. Ильминскій. Это — искреннія слезы, глубокая благодарность и земной поклонъ могилѣ моего незабвеннаго учителя.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о заслугахъ Ильминскаго для инородческаго міра, я расскажу настоящему собранію нѣсколько эпизодовъ изъ дорогихъ для меня отношеній ко мнѣ покойнаго Н. И. Ильминскаго. Прежде всего, какъ я сдѣлался ученикомъ Ильминскаго. Поступилъ я въ Казанскую Духовную Академію (1866 г.), когда миссіонерское отдѣленіе ея составляло какъ бы придатокъ къ Академіи. Изученіе преподаваемыхъ на немъ предметовъ не входило въ Академическій курсъ, но тѣмъ не менѣе каждый студентъ долженъ былъ числиться на какой-нибудь группѣ этого отдѣленія. Я прибылъ въ Казань изъ Тамбова и, какъ захолустный новичекъ, подумалъ, что если я долженъ изучать что либо изъ миссіонерскихъ предметовъ, то самое лучшее записаться на расколъ, такъ какъ изученіе этого предмета не потребовало бы отъ меня изученія арабскаго и татарскаго языковъ и знаком-

ства съ иностранными сочиненіями. Это неумное рѣшеніе свое я повѣдалъ одному изъ старшихъ студентовъ, но тотъ предупредительно мнѣ замѣтилъ: «смотрите, у Ивановскаго шута заниматься расколомъ нельзя». Это замѣчаніе остановило меня въ принятомъ рѣшеніи. Кромѣ боязни поступить подъ руководство строгаго профессора, я обратилъ вниманіе и на то, что изученіе раскола, всегда соединенное съ необходимостью чтенія древнихъ рукописей, можетъ ослабить мое зрѣніе. Мой собесѣдникъ, узнавъ, что руководящимъ мотивомъ въ выборѣ мною предмета является желаніе какъ можно меньше отвлекаться отъ занятій обязательными учебными предметами, откровенно сказалъ мнѣ: «если хочешь ничего не дѣлать по миссіонерскому отдѣленію, то записывайся къ Ильминскому и Малову: они не требовательны къ своимъ слушателямъ и охотно занимаются съ тѣми, у кого замѣчаютъ расположеніе и усердіе». Обрадовался я такому исходу дѣла и записался къ Ильминскому, находясь въ полной увѣренности, что не буду у него ничего дѣлать и тратить время по пустому. Но вышло совсѣмъ другое. Наступило время чтенія лекцій. Вотъ лекція Ильминскаго. У каждаго студента, особенно вновь поступившаго, вполне естественно желаніе посмотрѣть на новаго профессора и послушать его. Входитъ въ аудиторію Н. И. и безъ всякой аффектаціи начинаетъ говорить, но говорить такъ интересно, что всецѣло овладѣваетъ моимъ вниманіемъ. То былъ 1866 г., оказавшійся въ исторіи инородческаго просвѣщенія чрезвычайно важнымъ моментомъ. Въ Казань тогда пріѣзжалъ графъ Д. А. Толстой, обратившій особенное вниманіе на Н. И. Ильминскаго и на начатое имъ дѣло, по поводу котораго онъ потомъ высказался такъ: «просвѣщать инородцевъ и такимъ образомъ постепенно сближать ихъ съ русскимъ народомъ—составляетъ дѣло величайшей государственной важности въ будущемъ». Занятіе татарскимъ языкомъ, благодаря необыкновенному таланту Н. И. Ильминскаго, такъ меня заинтересовало что, не смотря на присутствіе въ Академіи многихъ авторитетныхъ профессоровъ (И. Я. Порфирьева, П. В. Зваменскаго и др.), татарскій языкъ занялъ въ моемъ вниманіи одно изъ первыхъ мѣстъ. Такъ прошли первыя недѣли. Однажды, выходя изъ аудиторіи, Н. И. подзвалъ меня къ себѣ и сказалъ: «я замѣтилъ, что вы занимаетесь больше другихъ татарскимъ языкомъ и Василій Тимофеевичъ мнѣ говорилъ, что

вы интересуетесь нашимъ дѣломъ; приходите ко мнѣ на квартиру, и я особо займусь съ вами». Я воспользовался приглашеніемъ, и за часъ совмѣстныхъ занятій мы прочитали съ Н. И. Ильминскимъ нѣсколько страничекъ на татарскомъ языкѣ по изданной имъ для крещеныхъ татаръ книжкѣ: Изложеніе кн. Премудрости Соломона. Вскорѣ затѣмъ Ильминскій предложилъ мнѣ посѣщать открытую имъ школу, для дѣтей крещеныхъ татаръ, въ которой я занимался обученіемъ татарчатъ. Такъ прошелъ годъ, другой и третій. Наступило время выбирать тему для кандидатскаго сочиненія. Со мной и въ этомъ случаѣ повторилось то же, что при поступленіи въ Академію. По тѣмъ же соображеніямъ я намѣренъ былъ взять тему изъ русской исторіи, но случайно встрѣчаюсь съ Евѣиміемъ Александровичемъ. У него, нужно сказать, была тема, на которую уже нѣсколько лѣтъ никто изъ студентовъ не соглашался писать сочиненіе. Увидѣвъ меня, онъ усиленно сталъ уговаривать взять эту тему, прибавляя, что «вы послѣдняя моя въ этомъ случаѣ надежда». А между тѣмъ, тема эта была такого рода, что требовала перевода 500 страницъ книжки татарскаго текста о мусульманскихъ пророкахъ. Какъ я ни мечталъ взять наиболѣе легкую тему, но подчинился уговорамъ Евѣимія Александровича. И такъ, поддерживаемый Николаемъ Ивановичемъ, писалъ сочиненіе на тему о пророкахъ, для чего долженъ былъ ходить мѣсяца три на Сѣнную площадь къ покойному теперь почтенному муллѣ. Въ трудныхъ мѣстахъ мнѣ помогалъ тотъ же Николай Ивановичъ. По окончаніи курса со мной также былъ цѣлый рядъ случайностей. Имѣлъ я приглашеніе отъ Самарскаго о. Ректора, но тогдашній Казанскій Архіепископъ уговорилъ меня остаться въ Казани. Я послушалъ Владыку, къ которому относился съ почтеніемъ и за его сочувствіе къ миссіонерскому дѣлу, но остался безъ назначенія. Послѣ того я рѣшился поступить въ Симбирскую семинарію, но и это мое рѣшеніе не осуществилось и притомъ самымъ неожиданнымъ для меня образомъ. Въ это время (1870 г.) въ Академіи вводился новый уставъ. По мотивамъ, указаннымъ въ біографіи Ник. Ив—ча, онъ отказался отъ продолженія своей службы въ Академіи и указалъ на меня, какъ на своего замѣстителя по кафедрѣ. Такая неожиданность ошеломила меня, но Н. И. обѣщалъ мнѣ свое руководительство и помощь, и я сталъ заниматься, изучать то самое дѣло, отъ котораго

такъ наивно думаль уклониться. Вскорѣ по вступленіи моемъ на должность доцента Академіи, Н. И. свель меня къ незабвенному также «дѣдушкѣ Горяя Семеновичу», который мнѣ отечески внушилъ: «вотъ теперь избрали себѣ занятія, не бросайте ихъ всю жизнь и пользу приносите». Совѣтъ благочестивый и мудрый. А самъ Н. И. продолжалъ учить меня. Каждую недѣлю я ходилъ бѣ ему на занятія съ нимъ. Въ 1872 г. была открыта Учительская Семинарія; Н. И. просилъ Попечителя Учебнаго Округа, извѣстнаго дѣятеля по инородческому образованію, назначить меня преподавателемъ Семинаріи, и просьба его была уважена, не смотря на немалое число кандидатовъ Казанскихъ. Съ того времени отношенія ко мнѣ Н. И. стали еще ближе, такъ какъ къ вопросамъ инородческаго миссіонерства принадлежалъ вопросъ школьно-семинарскій: рѣдкій разъ я проходилъ въ учительскую комнату, не будучи остановленъ Н. И. въ раздѣвальной для разговоровъ. Бывало я иду на урокъ около 8 часовъ утра, а онъ уже сидитъ у окна своего кабинета и дожидается моего прихода и сейчасъ выходитъ въ раздѣвальную и скажетъ что нибудь, или попроситъ зайти къ нему послѣ урока. Пять лѣтъ я преподавалъ въ его Семинаріи отечественную исторію и географію и долженъ сказать, что Н. И. былъ такимъ директоромъ, котораго никто не боялся, но никто и не позволялъ себѣ чѣмъ нибудь его огорчить. Тогда не было инспектора въ Казанской Семинаріи, но не приходилось указывать кому нибудь на часы въ учительской, чтобы выходить намъ на урокъ: какъ только раздавался звонокъ, мы прекращали свои бесѣды и съ класснымъ журналомъ безъ промедленія шли на урокъ. Бывали случаи, что Н. И. зайдетъ въ учительскую сказать намъ что нибудь, а въ то время слышится звонокъ, и мы вѣжливо оставляли своего директора и на добромъ лицѣ его замѣчали какую то особенную добродушную растерянность.

По вопросамъ крещеныхъ инородцевъ и по учебно-воспитательнымъ дѣламъ Семинаріи я видѣлся съ Н. И. часто: я приходилъ къ нему, или онъ заходилъ ко мнѣ, когда шелъ въ крещено-татарскую школу. Иногда онъ забиралъ меня съ собой и подолгу водилъ меня по разнымъ улицамъ города, бесѣдуя о тѣхъ вопросахъ, которые интересовали его въ данную минуту. Однажды онъ зашелъ ко мнѣ и съ обычной его добродушной улыбкой спрашиваетъ, не предчувствую ли я чего нибудь особеннаго, и расска-

заль мнѣ, что попечитель Оренбургскаго учебнаго округа просить его рекомендовать ему кандидата на должность инспектора инородческихъ школъ въ округѣ. Обсуждали мы этотъ вопросъ при обыкновенныхъ прогулкахъ по улицамъ города; я боялся ѣхать въ Оренбургъ и отказался. Н. И. рекомендовалъ своего и моего отчасти слушателя П. И. Качеринскаго, который свой долговременный и выдающійся трудъ отлично оправдалъ мисеіонерскимъ отдѣленіемъ при Академіи. Но прошло еще нѣсколько времени, какъ Николай Ивановичъ зашелъ ко мнѣ и обратился ко мнѣ и къ моей женѣ съ сообщеніемъ, что Туркестанскій Генераль-Губернаторъ просить рекомендовать ему кандидата на директорскую должность въ предполагаемую къ открытію въ Ташкентѣ учительскую семинарію. Въ этомъ случаѣ произошло нѣчто неподдающееся разсужденію: послѣ долгихъ разговоровъ во время прогулокъ по улицамъ города, я, не рѣшившись ѣхать въ болѣе близкій къ Казани Оренбургъ, согласился поѣхать въ Ташкентъ, о которомъ имѣлъ самое безтолковое предѣставленіе, такъ какъ Туркестанскій край находился тогда въ періодѣ своего неустройства. Это было въ 1875 году. Отпуская и провожая меня въ Ташкентъ, Н. И. внашалъ мнѣ и ободрялъ меня, что я на самой далекой мусульманской окраинѣ буду проявлять тѣ же принципы инородческаго образованія, надъ которыми онъ работалъ въ Казани и которые наполняли всю его жизнь. Кромѣ этихъ наставленій и совѣтовъ, онъ не оставлялъ меня своими совѣтами въ письмахъ и разъясненіяхъ по разнымъ вопросамъ. Онъ такъ участливо относился ко мнѣ, что, по моимъ письмамъ, судилъ о моемъ настроеніи и всегда спѣшилъ утѣшить, ободрить, иногда дать предусмотрительно-опытный совѣтъ. (Письма его ко мнѣ опубликованы въ изданіи П. В. Знаменскаго). Но особенно для меня дорога была его нравственная поддержка въ случаѣ одного крупнаго недоразумѣнія, происшедшаго у меня въ Ташкентѣ и сопровождавшагося для меня большими волненіями и огорченіями. Я писалъ обо всемъ Н. И. Ильминскому и получилъ отъ него своевременное утѣшеніе; но оказалось потомъ, что онъ въ продолженіи болѣе года велъ изъ за меня энергичную переписку съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ и только тогда сообщилъ мнѣ объ этомъ, когда окончательно освободилъ меня отъ приписаннаго мнѣ обвиненія. Очевидно, сближеніе нашихъ душъ

было до такой степени сильно, что волненія, переживаемыя мною, передавались Ник. Ив-чу, не смотря на разстояніе отъ Ташкента до Казани, а отъ него ко мнѣ. И вотъ однажды я увидѣлъ его во снѣ такимъ въ отношеніи меня, что проснулся; это совпало со звонкомъ почтальона, подавашаго мнѣ телеграмму отъ Н. И. Ильминскаго, въ которой значилось: «Успокойтесь, Гирсь за васъ; подробности почтой». Вотъ тогда-то, по полученіи письма, я и узналъ, подѣ какой бѣдой я жилъ болѣе года. Въ 1886 и 1890 г.г. я имѣлъ постоянное утѣшеніе видѣться въ Казани съ дорогимъ для меня человѣкомъ, при чемъ не могу забыть его трогательныхъ проводовъ меня на пристань. Простившись со мной на палубѣ парохода, онъ сошелъ на пристань, но продолжалъ держать меня въ соприкосновеніи съ собой при помощи своей простой палки, когда пароходъ уже отчаливалъ. Я тоже не выпускалъ изъ рукъ его палочку и такъ вытянулъ ее изъ его рукъ и увезъ ее съ собой въ Ташкентъ. Последнимъ напоминаніемъ его мнѣ была предсмертная телеграмма его ко мнѣ, въ которой онъ прощался со мной христіанскимъ прощеніемъ.

Понятно должно быть, какую горестъ я чувствовалъ, когда молился въ Ташкентѣ объ упокоеніи души новопреставленнаго своего наставника-благодѣтеля, и въ заключеніе не могу умолчать, что, будучи обязанъ незабвенному Ник. Ив-чу не только знаніемъ въ языкахъ и миссіонерскихъ наукахъ, но и высокими уроками въ жизни и христіанскими идеями, касающимися всѣхъ сторонъ человѣческаго развитія, я относился и отношусь къ его памяти съ благоговѣніемъ и заявляю это нелицемѣрно. Въ нашъ вѣкъ, если не безвѣрія, то маловѣрія, я молюсь за него Богу и вѣрю, что онъ, истинный христіанинъ, опочивъ тѣломъ, живъ духомъ и насъ въ эту торжественную минуту слышитъ».

Собраніе общимъ хоромъ пропѣло вѣчную память Николаю Ивановичу и веѣмъ почившимъ дѣятелямъ миссіи. Затѣмъ многолѣтствовали здравствующимъ сподвижникамъ и ученикамъ Николая Ивановича: Е. А. Малову, М. А. Машанову, Н. П. Остроумову, «историку, описавшему такъ неподражаемо жизнь Николая Ивиновича, проф. П. В. Знаменскому» и пр. — Саратовскій протоіерей о. Іосифъ Кречетовичъ, бывшій секретаремъ отдѣла—«Вопросы язычества и мѣры борьбы съ нимъ»—предложилъ послать

привѣтственную телеграмму апостолу Японіи, архіепископу Николаю, въ виду исполнившагося недавно пятидесятилѣтняго юбилея его дѣятельности; архіепископъ Николай, буквально пѣшкомъ исходившій Японію — живой примѣръ ревности и усердія для миссіонеровъ.

Затѣмъ заслушаны и утверждены были протоколы секціи церковно-миссіонерской. Секретаремъ отдѣла, свящ. Нижегородской епархіи, Радаевымъ былъ доложенъ протоколъ работъ секціи. Рѣчь, произнесенная передъ открытіемъ работъ секціи преосвященнымъ Палладіемъ, Епископомъ Пермскимъ, отбѣняла главнымъ образомъ то обстоятельство, что у нашихъ миссіонеровъ нѣтъ сплоченности, единодушія, однообразія выработанныхъ пріемовъ. Отсюда и происходитъ, что, не смотря на самоотверженную ихъ дѣятельность, плоды работъ ихъ не видны. Одна изъ задачъ Съѣзда — изыскать мѣры къ объединенію миссіонеровъ.

Затѣмъ, докладчикъ отдѣла, пермскій епархіальный миссіонеръ Куляшевъ, доложилъ собранію принятый секціей докладъ, составленный имъ на основаніи матеріаловъ, имѣвшихся въ бюро Съѣзда. Приводимъ наиболѣе существенную часть доклада.

Докладчикъ не касается магометанъ и говоритъ о другихъ инородцахъ: черемисахъ, чувашахъ, мордвѣ, вотякахъ, пермякахъ и др. Многіе изъ этихъ инородцевъ уже крещены св. крещеніемъ, другіе до сихъ поръ пребываютъ въ язычествѣ. Каждая епархія съ инородческимъ населеніемъ имѣетъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Тѣмъ не менѣе религіозно-правственное состояніе ихъ стоитъ далеко не на высшей ступени; оно медленно культивируется, не охотно уступая новымъ началамъ. Принявъ христіанство часто по принужденію, инородцы не тяготѣли къ новой русской вѣрѣ; ихъ симпатіи были на сторонѣ старыхъ вѣрованій. Трудно предположить, чтобы дѣло было иначе. Вѣдь весь складъ жизни инородца — и общественный, и семейный, и гражданскій былъ тѣсно связанъ съ религіознымъ языческимъ культомъ. Съ принятіемъ христіанства этотъ складъ жизни не измѣнялся, почему и религіозный языческій культъ оставался у инородцевъ безъ существенныхъ измѣненій. Да и новую христіанскую вѣру инородцы принимали, въ сущности, потому, что нельзя не принять. А тѣ, которые крестили инородцевъ, заботились часто о количествѣ обращенныхъ, а не о ихъ внутреннемъ состояніи.

Обращенный инородецъ предоставлялся самому себѣ, христіанство принималъ часто формальнымъ образомъ. Посѣщая храмъ, инородецъ не оставлялъ и своихъ священныхъ роцѣ, гдѣ совершались его прежнія моленія. Духовенство, стоящее также не на высокой ступени развитія, не въ состояніи было принести существенную пользу инородцу. Послѣдній шелъ къ священнику только въ силу необходимости, боясь наказанія. Дѣйствительными руководителями инородцевъ по прежнему были жрецы, кудесники. Языческія вѣрованія, обычаи и преданія просто гнѣздятся среди инородцевъ. Ни время, ни культурныя средства не въ состояніи искоренить ихъ. Инородцы вообще стремились къ тому, чтобы не подпасть подъ вліяніе христіанства и не уступить ему своего уклада жизни; они страшились христіанизациі своей жизни и, будучи христіанами только наружно, оставались язычниками по существу.

Тамъ, гдѣ обращенныхъ инородцевъ окружали сосѣди болѣе развитые, энергичные, а въ религіозномъ отношеніи болѣе фанатичные, тамъ обращенные инородцы всецѣло подпадали подъ вліяніе окружающихъ язычниковъ.

Характеризуя затѣмъ нынѣшнія трудныя условія миссіонерской борьбы, докладчикъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Миссія для инородцевъ требуется, какъ спеціальная—въ лицѣ епархіальнаго миссіонера и его помощниковъ, такъ и пастырская—въ лицѣ мѣстнаго приходскаго причта. Во главѣ миссіи долженъ стоять епархіальный миссіонеръ со спеціальной большою подготовкой. Онъ долженъ быть подчиненъ власти епископа и съ нимъ сноситься непосредственно. Духовной консисторіи онъ въ своемъ миссіонерскомъ служеніи не подчиняется. Если епархіальный миссіонеръ будетъ въ духовномъ санѣ, то удобнѣе всего сдѣлать его и благочиннымъ всѣхъ инородческихъ церквей. Необходимо, чтобы епархіальный миссіонеръ ежегодно устраивалъ миссіонерскіе курсы.

Кромѣ специалистовъ-миссіонеровъ на миссіонерскомъ поприщѣ должны трудиться и священно-церковно-служители тѣхъ приходоу, гдѣ находятся инородцы-язычники.

Заботы этихъ пастырей миссіонеровъ должны быть обращены: на свое личное настроеніе, въ которомъ любовь къ погибающему и во тѣмъ сидящему язычнику должна быть господствующей; на

церковное богослуженіе, проповѣдь, христіанскую благотворительность, на выборъ и подготовку въ помощь себѣ катехизаторовъ и миссіонеровъ—сотрудниковъ изъ мірянъ.

Пастыри—миссіонеры должны представлять епархіальному инородческому миссіонеру годовые отчеты о своей дѣятельности.

Кромѣ пастырей желательно привлечь къ дѣлу миссіи и монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе. Чтобы подготовить монастырскую братію къ миссіонерскому служенію, необходимо, по примѣру Пермской епархіи, устраивать въ монастыряхъ миссіонерскіе курсы. Желательно, чтобы монашествующіе, какъ братья и сестры милосердія, оказывали-бы населенію медицинскую помощь, монахини давали-бы женщинамъ указанія въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, наставленія по хозяйству и проч.

Въ инородческихъ приходахъ необходимо открывать попечительства (по уставу Синода 1908 года), а въ епархіи для объединенія всѣхъ дѣятелей миссіи организовывать епархіальныя братства, въ составъ которыхъ могли-бы входить не только представители духовенства, но и лица свѣтскаго званія, состоящія на службѣ въ земскихъ, общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ. Эти лица по своему служебному положенію весьма много могутъ содѣйствовать повышенію нравственнаго и бытового состоянія инородцевъ, какъ въ огражденіи ихъ въ юридическомъ отношеніи, такъ и въ развитіи ихъ благосостоянія и образованія путемъ чтеній, бесѣдъ, выписки книгъ, земледѣльческихъ орудій и проч. Въ это общество не безъ пользы могли-бы входить и лица женскаго пола, особенно жены вліятельныхъ въ уѣздѣ лицъ.

Необходимо улучшить матеріальное обезпеченіе духовенства въ миссіонерскихъ приходахъ, чтобы привлечь въ составъ его лучшія силы.

По поводу этого доклада секція сдѣлала слѣдующія постановленія:

1) Для болѣе успѣшной дѣятельности миссіи необходимо поставить ее въ самую тѣсную зависимость отъ Св. Синода; когда миссіонерство будетъ въ ближайшемъ вѣдѣніи Св. Синода, тогда оно будетъ дѣломъ болѣе прочнымъ, успѣшнымъ, обезпеченнымъ. Для этой цѣли весьма желательно открыть при Св. Синодѣ все-россійскій миссіонерскій совѣтъ, который бы вѣдалъ дѣлами, какъ

внѣшней, такъ и внутренней миссиі. Совѣтъ возглавляется іерархомъ—членомъ Св. Синода. Членами совѣта должны быть представители какъ внѣшней (исламъ, буддизмъ, ламаизмъ, язычество), такъ и внутренней (расколъ, сектантство) миссиі, именно: мужи науки—профессора и тѣ боевые миссіонеры, которые, развѣзжая по вызову епархіальныхъ епископовъ по епархіямъ, своимъ побѣдоноснымъ веденіемъ бесѣдъ, своимъ опытомъ и богатыми знаніями приносили бы пользу православію вообще и миссиі въ частности. Члены комитета должны быть какъ постоянные, такъ и временные.

2) Весьма желательно, чтобы миссіонерствовали не только спеціалисты миссіонеры и пастыри, но также и сами архипастыри, взявъ это дѣло въ свои руки. Когда дѣломъ миссиі займется самъ архипастырь, окруживъ его особенно сердечными заботами, тогда миссіа въ епархіи—и спеціальная и пастырская быстро пойдетъ впередъ, будетъ развиваться. Только тогда спеціальные миссіонеры не встрѣтятъ и на половину тѣхъ препятствій, которыя причиняютъ имъ домашніе враги—недоброжелатели. Весьма желательно, чтобы архипастыри возможно чаще сами навѣщали приходы съ инородческимъ населеніемъ, совершали торжественное служеніе, крестные ходы и навѣщали крещеныхъ инородцевъ. Въ епархіяхъ обширныхъ для этой цѣли необходимъ Викарій.

3) Дѣло постоянной проповѣди среди инородцевъ должны вести спеціальные миссіонеры, во главѣ съ епархіальнымъ, въ рукахъ котораго и сосредоточивается миссіа. Необходимо, чтобы во всѣхъ епархіяхъ съ инородческимъ населеніемъ были епархіальные миссіонеры; епархіальный миссіонеръ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, можетъ быть какъ лицомъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ.

Епархіальный миссіонеръ также и организаторъ миссиі. Онъ заботится объ увеличеніи числа своихъ помощниковъ, для этой цѣли ежегодно устраиваетъ миссіонерскіе курсы, и руководить своими помощниками.

Въ виду важности и отвѣтственности своего поста, епархіальный миссіонеръ непосредственно сносится съ епархіальнымъ епископомъ, ему одному подчиняется. Духовной Консисторіи, въ своемъ миссіонерскомъ служеніи, епархіальный миссіонеръ не подчиняется.

Въ виду того, что успѣхъ епархіальнаго миссіонера частью зависитъ отъ приходскаго пастыря, желательно, чтобы епархіальный миссіонеръ имѣлъ право въ приходы съ инородческимъ населеніемъ рекомендовать архипастырю своихъ кандидатовъ. Необходимо, чтобы епархіальный миссіонеръ по преимуществу былъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, зналъ инородческіе языки. Желательно для увеличенія числа епархіальныхъ миссіонеровъ открыть пятую духовную миссіонерскую академію. Нужда въ ней въ настоящее время великая.

4) Въ обширныхъ инородческихъ епархіяхъ необходимо имѣть въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ благочиніи уѣздныхъ окружныхъ миссіонеровъ, людей ревностныхъ, знающихъ инородческіе языки и знакомыхъ съ методами миссіонерскаго дѣланія. Уѣздные и Окружный миссіонеры нѣсколько разъ въ годъ объѣзжаютъ свой районъ, ведутъ бесѣды, проповѣдуютъ; уѣздные и окружные миссіонеры непосредственно подчинены епархіальному миссіонеру.

5) Желательно, чтобы при созывѣ слѣдующаго миссіонерскаго съѣзда были приглашены и женщины, принимающія участіе въ дѣлѣ миссіи.

6) Кромѣ уѣздныхъ миссіонеровъ необходимы миссіонеры сотрудники изъ мірянъ - ревнителей православія и миссіонеры книгоноши. Вращаясь всегда среди народа и пользуясь его довѣріемъ, эти лица принесутъ миссіи громадную услугу. Желательно на это поприще привлечь и женщинъ. Миссіонеры - сотрудники, объединяясь, создадутъ миссіонерскіе кружки, столь полезныя для миссіи.

7) Желательно привлечь къ дѣлу миссіи лицъ свѣтскаго званія, состоящихъ на службѣ въ земскихъ, общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, кои по своему служебному положенію весьма много могутъ содѣйствовать повышенію нравственнаго и бытового состоянія инородцевъ, какъ въ огражденіи ихъ въ юридическомъ отношеніи, такъ и въ развитіи ихъ благосостоянія. Въ этой помощи особенно нуждаются крещенные инородцы. Ихъ сородичи язычники всячески стараются причинить новокрещенному непріятности и притѣсенія. Весьма желательно ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы министерство земледѣлія чрезъ землеустроительныя комиссіи отводило новокрещен-

нымъ инородцамъ участки земли не менѣе, чѣмъ пользовались они до принятія крещенія.

9) *Пастырское миссіонерство.* Въ инородческихъ приходахъ и въ русскихъ переселенческихъ приходахъ, смежныхъ съ ними, для миссіи должны равнымъ образомъ трудиться священно-церковнослужители. Ихъ вниманіе должно быть обращено на своихъ крещенныхъ инородцевъ прихожанъ; среди нихъ они и должны миссіонерствовать. Приходская миссіа проявляется во всей дѣятельности пастыря, въ его трезвенной, высоконравственной жизни, въ его боголѣпномъ богослуженіи, въ проповѣданіи Слова Божія, въ созиданіи христіанской благотворительности, въ устроеніи приходскихъ совѣтовъ, попечительствъ, братствъ. Пастыри миссіонеры въ инородческихъ приходахъ должны обязательно знать мѣстный инородческій языкъ, для чего весьма желательно, чтобы въ духовныхъ семинаріяхъ при инородческихъ епархіяхъ преподавались мѣстные инородческіе языки.

10) Въ виду скудости средствъ, получаемыхъ инородческимъ духовенствомъ, необходимо оклады жалованья увеличить до 1200 р. въ годъ на каждый инородческій причтъ.

11) Средства инородческой миссіи весьма нужны во многихъ епархіяхъ. Крайне необходимо увеличить ихъ, изыскивая во 1-хъ мѣстные источники, во 2-хъ прося Св. Синодъ и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ объ ежегодномъ отпускѣ суммъ въ тѣ епархіи, гдѣ изыскать средства весьма затруднительно—въ слѣдующей суммѣ: для Вятской, Тобольской и Омской по 12 тысячъ, для Саратовской, Пермской, Оренбургской, Нижегородской и Симбирской по 7 тысячъ рублей и для Рязанской пять тысячъ руб.

12) Въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ—въ каждой деревнѣ образовать два самостоятельныхъ общества: татарское и русское.

13) На выборахъ въ Государственную Думу въ губерніяхъ Уфимской и другихъ съ мусульманскимъ населеніемъ выдѣлить христіанъ въ особыя куріи—отдѣльно отъ мусульманъ.

По прочтеніи этихъ постановленій, начались пренія по отдѣльнымъ пунктамъ. Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Іаковъ напелъ неприемлемымъ постановленіе, обязывающее епископа посѣщать преимущественно инородческіе приходы и от-

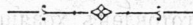
носятся съ особеннымъ попеченіемъ къ крещенымъ инородцамъ. Епископъ ставится для всѣхъ христіанъ своей епархіи; ему дороги всѣ чада его паствы. Рѣшительно высказался онъ противъ непосредственнаго подчиненія миссіонеровъ епископамъ помимо консисторіи. Такимъ подчиненіемъ, говорилъ В. М. Скворцовъ, проведена мысль о томъ, что миссіонерскія дѣла, какъ очень подчасъ смѣшныя, требуютъ иногда немедленнаго распоряженія епископскимъ разумѣніемъ. Высокопреосвященный Архіепископъ Іаковъ согласился съ этимъ, но оттѣнилъ высказанное миссіонерами стремленіе обѣгать консисторію—это почтеннѣйшее учрежденіе, куда, сказалъ онъ, мы, архіереи, выбираемъ іереевъ и протоіереевъ самыхъ достойныхъ, заслуженныхъ, умудренныхъ опытомъ. Тамъ всегда найдетъ вопрошающій нужный совѣтъ и указаніе. Консисторія—это прежній пресвитерскій совѣтъ, который съ самой глубокой древности существуетъ въ церкви при епископѣ. Перемѣнено только греческое заглавіе на латинское, но сущность учрежденія осталась таже. Его дѣло — помогать своему Владыкѣ. Высокопреосвященный Предсѣдатель Сѣзда, вполне раздѣляя мысль Архіепископа Іакова о консисторіи, отмѣтилъ поучительность происходящихъ преній для служащихъ въ Консисторіяхъ; пусть, сказалъ онъ, консисторскіе дѣятели знаютъ, что о нихъ думаютъ, и своимъ усердіемъ покажутъ, что консисторская медлительность уже анахронизмъ, что нынѣшнія консисторіи не таковы, какими, по традиціи, ихъ представляютъ. Послѣ небольшихъ преній были приняты и всѣ другія постановленія секціи. Необычная и умилительная картина этого общаго засѣданія была увѣковѣчена фотографомъ. Молитва «Достойно есть» и «Боже, Царя Храни» на разныхъ языкахъ заключили собраніе.

Со двора присутствующіе перешли въ залъ Крещено-татарской школы, гдѣ былъ приготовленъ хозяйственнымъ попечителемъ школы П. В. Щетинкинымъ обѣденный столъ. Нѣкоторые, по приглашенію епархіальнаго миссіонера Васильевскаго, ходили вмѣстѣ съ нимъ на собранія Казанскихъ баптистовъ, къ которымъ въ настоящее время пріѣхалъ проповѣдникъ Винсъ.

Вечеръ 19-го и день 20-го члены Сѣзда провели въ отдыхѣ отъ своихъ напряженныхъ трудовъ и посѣщали храмы и достопримѣчательности Казани. Очень многіе изъ нихъ были 20 числа въ соборѣ, гдѣ по случаю дня памяти Св. Гурія литургія была

совершена соборомъ Архипастырей и пастырей. Во время запричастнаго стиха Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Никаноръ произнесъ слово, гдѣ, сказавъ о имѣющемъ быть вечеромъ крещеніи чувашской семьи, пригласилъ вѣрующихъ порадоваться вмѣстѣ съ нимъ за новыхъ словесныхъ овецъ Христова стада и помочь имъ. Тутъ же былъ устроенъ тарелочный сборъ, давшій 100 рублей, и послѣ вечерняго богослуженія семья эта была просвѣщена святымъ крещеніемъ въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома. Совершалъ таинство крещенія Казанскій миссіонеръ, священникъ С. Михайловъ. Послѣ совершенія таинства крещенія новыя чада св. церкви были приглашены въ покои Архіепископа, здѣсь обласканы, угощены чаемъ, одарены платьемъ и деньгами.—Чувашскіе священники, въ свою очередь, устроили подписку въ пользу новокрещенныхъ, давшую 33 рубля.

21 числа утромъ начала свои работы Кавкасская секція; продолжали свои работы: церковно-административная секція, у которой болѣе другихъ имѣется еще незаконченнаго матеріала, мусульманская (вопросы методологіи полемики съ мусульманами), ламайская. Результатъ ихъ занятій сообщимъ послѣ слѣдующаго общаго собранія. Вечеромъ было собраніе докладчиковъ и секретарей секцій для опредѣленія количества матеріала, еще не поступавшаго на общія собранія, и вообще для упорядоченія оставшихся неразрѣшенными вопросовъ. Съ 17-го числа функционируетъ выставка произведеній миссіонерской литературы, привезенныхъ ихъ авторами—членами Съѣзда и доставленныхъ В. М. Скворцовымъ его изданій и сочиненій. Завѣдуетъ выставкой книгоноша миссіонерскаго Общества Петровъ. Для членовъ Съѣзда выписываются татарскія и русскія газеты.

Редакторъ священникъ **Н. Писаревъ.**

Печатать дозволяется. 22-го іюня 1910 года.

Ректоръ Академіи, Епископъ **Алексій.**